

**А.Д. Гомбожапов**

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

### **Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева**

Статья представляет историографический анализ исследований Л.Н. Гумилева, посвященных происхождению кочевых цивилизаций. Даются определенные особенности кочевой культуры Средней Азии с точки зрения Гумилева и сравнение его взглядов с теоретическими достижениями ориенталистики.

**A.D. Gombozhapov**

### **Nomadic Civilizations of Central Asia in L. N. Gumilyov's Works**

The paper presents a historiographical analysis of L. Gumilyov's studies devoted to genesis of nomadic civilizations. Specific features of nomadic culture of Central Asia are considered from Gumilyov's point of view and a comparison of his views with modern theoretical achievements of orientalism is given.

В современном востоковедении, в частности одном из его направлений – кочевниковедении, в настоящее время отмечается огромное количество работ, претендующих на освещение исторической действительности с разных теоретико-методологических позиций, содержательно разнящихся по двум подходам: стадийным и цивилизационным, либо концептуально объединяющим их. К представителям, использующим цивилизационный подход в рассмотрении кочевых цивилизаций Центральной Азии, можно отнести и Л.Н. Гумилева, который, по мнению Н.Н. Крадина и других исследователей-востоковедов, был «единственным интерпретатором цивилизационного подхода» в условиях методологического господства исторического материализма в исторической науке СССР.

В научном наследии Л.Н. Гумилева принято выделять различные периоды, отражающие эволюцию его взглядов. Большинство его собственно исторических и историко-географических работ проделаны на основе кочевниковедческого материала, что послужило в дальнейшем теоретической базой для понимания всеобщих закономерностей мировой истории, ее единства в многообразии путей развития, формирования его концепции этногенеза.

Весьма важными являются выводы Л.Н. Гумилева о специфичности социо- и культурогенеза в кочевых обществах, о неадекватности применения в исследованиях методик и понятийно-категориального аппарата, выработанного на материале оседло-земледельческих цивилизаций: «Особенности социальных институтов, стиль произведений искусства и характерные черты военного де-

ла, изученные с достаточной глубиной, показывают, что кочевая культура имеет самостоятельный путь становления, а не является периферийной, варварской, неполноценной... вопрос может быть поставлен лишь о взаимных влияниях между оседлыми и кочевыми народами, а никак не о заимствовании кочевниками культуры у китайцев, согдийцев или греков» [Гумилев, 2002, с. 107].

Основные взгляды и теоретические положения об истории развития кочевых цивилизаций Л.Н. Гумилевым были изложены в его так называемой «Степной трилогии», которая включает в себя работы, посвященные истории трех народов Центральной Азии: хунну, древних тюрков и монголов средневековья. Монография «Хунну», вышедшая в свет в 1960 году и переизданная в постсоветское время, обращала и обращает на себя внимание оригинальным стилем изложения, полнотой фактического материала и несомненной научной ценностью. В данной научной работе была изложена история кочевого этноса от становления до полного его исчезновения с арены мировой политической истории. При написании его Л.Н. Гумилев по большей части опирается на данные нарративных источников: «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня (переведенные на русский язык Н.Я. Бичуриным (Иакинф)), Бань Гу «Хань Шу» («История династии Хань»), Фань Е «Хоу Хань шу» («История Поздней династии Хань»).

Согласно этим источникам, происхождение народа хунну автором видится в слиянии перешедших с южной окраины пустыни Гоби на северную племен хяньюнь и хунюй с ав-

тохтонным населением (культурой плиточных могил). Хотя это предположение не находит достаточной доказательной базы, все же остается наиболее предпочтительным тезис о том, что этническая система хунну состояла из многих компонентов.

В социальной реконструкции общественной организации хунну Львом Николаевичем, в условиях жестко установленных рамок формационного видения социально-экономических процессов была осторожна высказана идея об особенностях развития кочевых народов. Социальный строй хуннского общества Л.Н. Гумилев определяет как высшую ступень первобытнообщинной формации, имеющий сложную общественную организацию и высокую материальную культуру. Патриархально-родовой строй у хуннов при наличии отличительных качеств и особенностей в сравнительном анализе обозначается термином – геронтократия (власть старейших в роде) [Гумилев 1960: 82]. Хуннская империя, по его мнению, была племенным союзом 24-х родов, во главе с «шаньюем и иерархией племенных князей «правых» (западных) и «левых» (восточных) [Гумилев 2002: 86]. В дальнейшем, после раскола империи в 48 г. н.э. на две части: северных и южных, держава северных хунну из «родовой превратилась в антиродовую военную демократию» [Гумилев 2002: 91].

По существующим в настоящее время точкам зрения, огромную роль в сложении государственности у кочевых народов играл внешнеполитический фактор, послуживший толчком объединительной тенденции для племен. В работах Л.Н. Гумилева этот тезис находится в коррелирующей связи с современными взглядами политогенеза. Причина перманентного характера хунно-китайских войн им видится в невозможности сосуществования двух равных империй, ущемлявших статус императора Срединной империи: «...как только была решена проблема менового обмена, война прекратилась, и для обеих держав наступил период экономического роста. Установившееся положение устраивало хуннов и широкие слои китайского народа, но отнюдь не устраивало императорское правительство династии Хань... отрыв правящей верхушки Ханьской империи от народа и его интересов стимулировал кровавые войны, закончившиеся разгромом хуннского народа и падением династии Хань» [Гумилев, 2005, с. 243].

При написании монографии «Древние тюрки» Л.Н. Гумилевым была проделана большая предварительная работа по сопоставлению имен в иноязычных источниках с тюркскими, проведенная совместно с китайстом М.Ф. Хваном. Методы, применяемые автором при исследовании, сводятся к историческому анализу и синтезу в их единстве, что позволяет осветить историю трех народов: тюркютов, голубых тюрок (кок тюрк) и уйгуров с точки зрения «единого процесса, образовавшего в аспекте периодизации определенную целостность» [Гумилев, 2002, с.10].

Основываясь на филологических исследованиях, Л.Н. Гумилев воссоздает картину этногенеза древних тюрок: «Тюрки VI в. (правильнее - тюркюты) – сложносоставной народ, сложившийся в результате соединения в единое государство монголоязычной орды Ашина, вынесшей из Ордосских степей воинственные традиции своих сяньбийских предков, и тюркоязычного населения Большого Алтая...» [Гумилев, 2005, с. 227]

Процесс создания тюркской державы автор рассматривает в контексте политических событий и коллизий, происходивших у соседних племен и государств. С расширением захваченных территорий и включением в состав каганата новых племен внутреннее устройство претерпевало значительные изменения. Для удержания огромной территории и пресечения сепаратистских тенденций была создана удельно-лестничная система престолонаследия. В ней одновременно были заложены элементы устойчивости и деструктивная составляющая. Кроме, политической истории Л.Н. Гумилев уделяет большое внимание внутреннему устройству тюркских каганатов.

Что касается общественно-политического устройства тюркских каганатов, то, исходя из сложности вопроса и учета проделанной эволюции социально-политической системы, оно рассматривается как «военная демократия, поглотившая родовую строй, и направлена была острием против своих соседей, служивших для нее объектом эксплуатации. ...держава Ашина была некоторым подобием Спарты, но во много раз сильнее и больше» [Гумилев, 2002, с. 72-73]. Отмечается, что источником институтов власти и ее характера послужила военная деятельность: «...именно для войны была создана грандиозная система чиновников, соединяющих в своих руках военные и гражданские функции, - ябгу, шады, тутуки и др. – с наследованием должно-

стей...» [Гумилев 2002: 72] Это определяло также характерные черты быта, мировоззрения, социальных идеалов народа.

Весьма интересным представляется то, что, по мнению Гумилева, процесс классообразования после разделения в тюркютских каганатах был незавершен вследствие уничтожения военно-чиновной знати в ходе междоусобной войны или перехода их на службу китайскому императору. Такой взгляд на логику исторических предпосылок хорошо согласуется с точкой зрения С.А. Васютина и других исследователей: «В кочевых империях периодически происходили «откаты» к традиционным клановым институтам управления, когда имперские механизмы подчинения кочевников внутри степи и экзополитарная эксплуатация земледельцев переставали действовать или становились неэффективными» [Васютин 2005: 57].

Идеи об экзополитарной (ксенократической) организации кочевых империй Центральной Азии (Н.Н. Крадин) или системе социально-этнического подчинения (Д.Г. Савинов) соотносятся с соображениями Л.Н. Гумилева о милитаризованной природе степных объединений, в особенности у древних тюрков. История Великой монгольской империи, несмотря на значительное число работ, посвященных данной проблеме, остается все же недостаточно раскрытым феноменом, как по вопросам о причинах возникновения столь обширной империи, так и по оценке последствий. Свой взгляд на становление и развитие монгольской империи предложил Л.Н. Гумилев, привнесший этнологический подход при рассмотрении этого исторического явления.

Истоки завоевательных войн и этап становления монгольской империи он видит в победе одной из двух возможных социальных организаций в степи – орды и конфедерации племен, то есть народа-войска – народа-племени. Образование общемонгольского государства в результате межплеменной борьбы предопределило дальнейшие войны со своими противниками. Причины войн с оседло-земледельческими государствами у Гумилева часто сводятся к неадекватному восприятию тех или иных поступков у монголов и других народов, так «из-за убийства послов погибла империя Сун и была разорена Венгрия». Жестокости и уничтожения населения городов объясняются стереотипом поведения монголов, по которому за действия своего правителя ответственность несут все

подчиненное население. Успехи завоевательных войн монголов Гумилев видит не только в их высокой пассионарности, но и в слабости побежденных, выразившейся в «глубоком кризисе, переломе, затронувшем в XIII в. всю Европу, Ближний и Дальний Восток». В объяснении деяний монголов XIII в., применяя этнологический принцип, Гумилев говорит о некорректности моральной оценки этих событий, так как описанный им процесс этногенеза имеет характер природный, для одной из фаз которого имеет место быть направленность вовне. В основе такого положения лежит принцип диахронии, что может считаться внесением этнологического понимания в структурные положения цивилизационного подхода.

События, начавшиеся в 1201 г. и длившиеся до курултая 1206 г., Л.Н. Гумилев определяет как гражданскую войну. Причины противостояния здесь объясняются также с позиций разработанной им теории этногенеза. Разбирая племенной состав одной из противоборствующих сторон, Гумилев приходит к выводу, что античингисовскую коалицию образовали этносы старого типа, не затронутые пассионарным толчком. Лагерь сторонников Чингисхана он составляет из «людей длинной воли», пассионариев. Это и послужило расколом монгольского общества. Большое внимание Л.Н. Гумилев уделяет памятнику средневекового монгольского права – Ясе, значение и роль которого он определяет как своеобразный показатель процесса этногенеза: перехода из инкубационного в период пассионарного подъема.

Таким образом, в объяснении причин возникновения Великой монгольской империи по Гумилеву мы приходим в основе своей к теории пассионарного толчка, которая у самого автора разработана на уровне гипотез. Вообще, весь фактический материал по истории Великой монгольской империи подчинен концептуальному изложению этнической истории монголов. Значение же его трудов заключается в объективной оценке последствий деяний монголов XIII в. История и культура кочевых народов Центральноазиатского региона в исследованиях Л.Н. Гумилева представлены в последовательности единого диалектического процесса этнокультурного развития, на который влияют множество факторов, определяющих ее направленность и исход в конкретно-исторической ситуации.

Так, общим для истории кочевников Центральной Азии Л.Н. Гумилев выделяет внеш-

ний фактор: «Примечательно общее для всех народов Центральной Азии неприятие китайской культуры». Также, в частности, при рассмотрении военно-политической деятельности западнотюркского кагана Юкука («Ирбис Дулу-хан»), приведшей к объединению племен «от р. Или до сибирской тайги», пишет: «Очевидно, мы видим здесь процесс консолидации кочевых племен перед непосредственной угрозой роста империи Тан и перехода ее к политике завоеваний» [Гумилев, 2002, с. 238-239]. Это может быть косвенным подтверждением экзополитарного (системы социально-этнического подчинения) характера государственных образований данного региона.

Представляются вполне обоснованными, хотя и не в такой жесткой соотнесенной связи, некоторые взгляды Л.Н. Гумилева об опосредованном влиянии природно-географического фактора на подъем и упадок кочевых народов, в частности, зависимости экономики кочевников от увлажнения Великой степи. «Поскольку климатические колебания в Центральной Азии относительно продолжительны - от 150 до 300 лет, возникает возможность сопоставить эти явления с колебаниями мощи кочевых держав в извечной войне против Китая» [Гумилев, 2005, с. 598].

Характерным для кочевниковедческих трудов Л.Н. Гумилева является последовательное раскрытие исторического значения кочевых народов и их роли в мировой истории, отсюда и особое внимание взаимоотношениям кочевников с соседними оседло-земледельческими государствами, попытка осветить события в системе их взаимосвязей. Упрощенное понимание, отрицательная оценка места, роли и вклада кочевников в мировую историю и культуру объективно связывались ученым именно с критериями, выработанными на материале земледельческих цивилизаций.

Целесообразными и весьма плодотворными выступают идеи отказа от предвзятых европоцентристских взглядов на историю кочевников как статичную и единообразную: «Было бы ошибкой считать, что все они (кочевые народы – А.Г.) только повторяют друг друга, хотя их способ производства – кочевое скотоводство – действительно является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающейся усовершенствованию. Но формы быта, учреждения, политика и место в мировой истории у хуннов и древних тюрков совершенно различны, как были различны их

судьбы» [Гумилев, 2002, с. 7]. Поиск причин образования степных объединений и анализ имеющейся литературы привел Л.Н. Гумилева к выводу о том, что они возникают несколькими способами, условно обозначаемыми как уйгурский, то есть путем выборности хана старейшинами объединяющихся племен (конфедерация); тюркским – усилением одного из племен, которое связано с харизматическим лидером, и насильственным подчинением других (орда). Тюркский эль-держав по началу «был формой сосуществования орды и племен» [Гумилев, 2002, с. 115], затем во времена Второго каганата элементы «орды» стали превалировать [Гумилев, 2002, с. 341].

Таким образом, труды Л.Н. Гумилева, являясь сами по себе показателем уровня достижений кочевниковедческих исследований в отечественной науке, предстают достаточно ценным источником для отражения соответствующих периодов в истории Центральной Азии, историографического анализа и уточнения понятийно-категориального аппарата. Безусловно, общетеоретические выводы и частные взгляды не потеряли актуальности и сегодня в связи с новыми результатами археологических открытий, достижениями в области других наук, поэтому наследие ученого должно ожидать новых перспективных исследований.

#### Литература

1. Базаров Б.В. Кочевые цивилизации Центральной Азии: общественный потенциал истории // Монгольская империя и кочевой мир: сб. ст. Кн. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 254-263.
2. Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир: сб. ст. Кн. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 56-71.
3. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 2002. – 2-е изд.
4. Гумилев Л.Н. Кочевой быт: от расцвета к исчезновению. Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949-1990). Старобурятская живопись. – СПб.: СЗКЭО "Кристалл", 2005. – С.352-354.
5. Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой степи (опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников). Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949-1990). Старобурятская живопись. – СПб.: СЗКЭО "Кристалл", 2005. – С. 590-605.
6. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». – М.: Айрис-пресс, 2002.
7. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М., 2002.
8. Гумилев Л.Н. Хунну. – М., 1960.

9. Гумилев Л.Н. Хунно-китайская война. Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949-1990). Старобурятская живопись. – СПб.: СЗКЭО "Кристалл", 2005. – С. 235-243.
10. Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2001.
11. Крадин Н.Н. Кочевничество и теория цивилизаций. Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2: Сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 14-23.
12. Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии. Монгольская империя и кочевой мир: сб. ст. Кн. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 23-31.
13. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.
14. Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 31-43.
15. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998.

#### Э.Ч. Дарибазарон

Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Байкал»

#### Национальное теократическое движение бурятского народа в 1919-1926 гг.

Статья посвящена процессу зарождения и развития теократического (балагатского) движения в Хоринском аймаке в 1919-1926 гг., деятельности авторитетного и харизматичного лидера движения Лубсан-Сандана Цыденова. Изучен Основной закон (Конституция) теократического государства – весьма важный письменный законодательный памятник теократического движения, принятый Учредительным собранием – Ехэ Сугланом. В условиях политической и социальной нестабильности процессу зарождения и развития теократического (балагатского) движения в Хоринском аймаке, безусловно, способствовало существование в те годы таких влиятельных центральноазиатских буддийских теократических государств, как Тибет и соседняя Монголия; во-вторых, нельзя не отметить влияния на зарождение данного теократического движения развернувшегося в тот период общемонгольского движения за сближение монгольских народов, имевших общее этническое происхождение, историко-культурную и языковую общность.

#### E.Ch. Daribazaron

#### National Teocratic Movement of the Buryat People in 1919-1926

The paper deals with the national teocratic movement of the Buryat people in 1919-1926 and presents a new approach to the activities of the movement's leader Lubsan Sandan Tsydenov.

До недавнего времени теократическое (балагатское) движение в Хоринском аймаке Бурятии, создание теократического государства в начале 1920-х годов трактовалось как контрреволюционное, антисоветское. Оно получило в литературе фальсифицированное освещение, а оценка его была выдержана в рамках официальных государственных идеологических установок и выработанной методологии. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы опровергают подобное утверждение.

Какие события предшествовали созданию теократического государства в Хоринском ведомстве? В годы гражданской войны, когда установилась диктатура атамана Семенова, Бурятская народная дума (Бурнардума), действовавшая на территориях, населенных бу-

рятами, объявила о мобилизации бурят в армию, в т.н. «народные цагда». Указ о призыве в «народные цагда» бурят, родившихся в 1895-1898 гг., был обнародован 23 января 1919 года. Это решение было принято Бурнардумой в порядке реализации постановления ноябрьского (1918 г.) общепермурского съезда о мобилизации на военную службу 2000 человек из Агинского, Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков.

Решение о призыве бурят на военную службу вызывало недовольство бурятского населения. Верующие-буддисты не хотели отдавать сыновей в армию. Когда усилилось противостояние в бурятском обществе и дело чуть не дошло до репрессивных действий со стороны семеновцев, представители бурятского населения Бодонгутского, Цаганского,